

Замесив тесто, Цзян Сяои направился в огород, чтобы сорвать несколько капустных листьев. Овощей на грядках росло много, но большинство из них были посажены ещё пару месяцев назад. Стручковая фасоль, амарант, люффа — он уже несколько раз собирал их на продажу, и теперь сезон подходил к концу, отчего и вид у них был неважный. Если раньше стручки фасоли росли длинными и ровными, радуя глаз, то последний урожай оказался кривым и неказистым. Такой товар не продашь, но для себя сойдёт. А то, что не съедят, можно засушить на зиму. В их краях зимой почти на полмесяца выпадал снег, и многие овощи не переносили холодов, поэтому жители деревни заготавливали их впрок.

Когда созреет последняя партия тыквы и фасоли, придётся всё убирать и сажать капусту и редьку — они были более устойчивы к холодам. Также нужно было посадить горох и салат-латук, которые зимой хорошо продавались в городе, ведь горожане любили варить из них супы.

Впрочем, тыквенные плети можно было убирать уже сейчас. В прошлый раз на ярмарке он продал все тыквы, так что ботва была больше не нужна.

Размышляя об этом, Цзян Сяои с охалкой капусты направился домой. Почти над каждым домом уже вился дымок — люди начали готовить завтрак.

Зерно быстро уходило. Если не смешивать его с чем-нибудь ещё, то пяти цзиней одному Цзян Сяосаню хватило бы всего на два дня.

Он замесил немного кукурузной муки, а вот капустных листьев нарвал побольше. Дома он их вымыл, мелко нашинковал и смешал с тестом. Капуста придавала лёгкую сладость, из неё получались хорошие лепёшки. Хотя, будь у них морковь, можно было бы нарезать её кубиками, смешать с кукурузной мукой и приготовить на пару — вот это был бы настоящий вкус, сладкий и ароматный.

Готовить капустные лепёшки было несложно. Разжёл огонь, помыл сковороду. Со вчерашней жарки лажоу осталось немного жира. Когда сковорода раскалилась, Цзян Сяои смазал дно тонким слоем жира и с лёгким шипением прилепил к нему первую лепёшку размером с кулак.

Отец Цзян вошёл, чтобы набрать воды для умывания. Он увидел, что несколько лепёшек уже готовы, а Цзян Сяои, не отрываясь, следил за сковородой. В полумраке кухни было трудно разглядеть выражение его лица, но отец всё равно сказал:

— Тебе пришлось нелегко.

Когда семья Цянь устроила скандал, он уже проснулся. Их дома разделяло всего несколько метров, а плетёные заборы плохо заглушали звук, так что он всё отчётливо слышал. Он прекрасно знал, что за человек жена Хуцзы. И эта женщина посмела так говорить о его гэ'эре? Неужели она думает, что его можно так просто обидеть?

Цзян Сяои поднял голову.

— Отец...

— Кто кого обидел, мы и сами знаем, нечего слушать, что другие болтают. В следующий раз не будем у них ничего покупать, — посоветовал отец. — А если она снова начнёт кричать, иди к их дому и точи нож.

Цзян Сяои не нашёл в его словах утешения.

— Отец, — он уставился на него своими большими глазами и крепче сжал в руке лопатку, будто готовый к бою. Словно ещё одно слово — и он забудет о родственных узах.

Отец Цзян смутился и тут же умолк.

Горячие лепёшки источали аромат, их поджаристая корочка выглядела хрустящей и аппетитной. Отец Цзян завернул две в капустный лист и вышел.

Когда Цзян Сяои закончил с готовкой, уже совсем рассвело. Он вытер руки, принёс два ведра воды и только потом пошёл будить братьев.

Цзян Сяозэр и Цзян Сяосань вчера быстро уснули. Когда Цзян Сяои открыл дверь, малыши уже сидели на кровати и одевались.

Цзян Сяосань с растрёпанными, как куриное гнездо, волосами, голышом натягивал штаны. Казалось, у него никогда не было забот — он всегда улыбался. Увидев Цзян Сяои, он громко крикнул:

— Брат, Сяосань проснулся!

— Да, вижу, — Цзян Сяои погладил его по щеке. Она была тёплой и гладкой после сна. Помяв её немного, он принялся одевать Цзян Сяозэра. Тот кашлянул несколько раз и, подняв голову, с сияющими глазами сказал:

— Брат, Сяозэр и Сяосань — хорошие дети, рано ложатся и рано встают, в кровати не валяются.

Он заметил, что Бай Цзыму лежит без движения, и ткнул его пальцем. Убедившись, что тот всё ещё дремлет, он добавил:

— А мишка непослушный, любит поспать.

Цзян Сяосань тут же подхватил, громко крича:

— Непослушных надо бить! Брат, побей его, побей по попе!

Бай Цзыму хотелось дать каждому из этих негодников по пинку.

Это он-то любит поспать?

Да он всю ночь глаз не сомкнул!

Если бы рассвет наступил хоть на полчаса позже, он бы, наверное, уже умер.

Вчера вечером, пока Цзян Сяои и его отец разговаривали, не прошло и четверти часа, как Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань уже уснули. Слово два поросёнка, беззаботные, они едва коснулись подушек и тут же отключились. Бай Цзыму был поражён такой скоростью.

Сначала он пережил ужас от заточки ножа, потом чуть не искупался в кипятке — несколько раз побывав на пороге смерти, его бедное сердце было уже на пределе. Кровать была ужасно неудобной — просто доска, положенная на несколько камней. Но он был так измотан после удара молнии, что, несмотря на внешнюю пухлость, внутри был пуст и держался лишь на одном дыхании. Днём, столкнувшись с двумя безжалостными братьями, он не смел закрыть глаза, боясь, что больше их не откроет.

Наконец, оказавшись в постели, пусть и жёсткой, он был готов уснуть где угодно. Он собирался помедитировать, чтобы немного восстановить силы, но едва задремал, как рядом раздался оглушительный грохот.

Бай Цзыму подскочил от страха, чуть не обмочившись. Он подумал, что громовое бедствие не оставит его в покое и настигло его и здесь. Но, обернувшись, он увидел...

Цзян Сяосань спал, и из его ноздрей выдувались пузыри. Храпел он так, будто рядом гремел гром.

Нет.

Пожалуй, даже гром не был таким оглушительным.

В столь юном возрасте, с такой маленькой головой, Цзян Сяосань обладал невероятным талантом к храпу.

Бай Цзыму подвинулся поближе к Цзян Сяоэру, собираясь снова попытаться уснуть, как тот

начал отчаянно кашлять.

Цзян Сяоэр кашлял так сильно, что любой больной туберкулёзом со стажем мог бы ему позавидовать. Бай Цзыму боялся, что в любой момент печень Цзян Сяоэра вылетит и шлёпнется ему на лицо.

Слева — храп, справа — кашель. Они сменяли друг друга, будто соревнуясь в громкости. Ни на секунду не наступала тишина. Бай Цзыму, закрыв морду лапами, чувствовал себя так, будто рядом с ним поставили два огромных динамика.

Не в силах больше терпеть эти муки, он попытался встать и убежать, но не успел он пошевелиться, как Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, словно голодные младенцы инстинктивно ищущие грудь, прижались к нему, крепко обняв и закинув на него свои маленькие ножки.

Бай Цзыму не мог пошевелиться. Он скосил глаза налево — Цзян Сяосань тёрся о него, размазывая соплю по его шерсти.

Что за фильм ужасов в реальности?

А справа... тоже было мокро.

Будь это две медведицы, такой «двойной обхват» мог бы показаться приятным. Но два голых вонючих мальчишки — это было совсем не весело.

Его придавило на всю ночь. К тому же, то ли из-за удара молнии, то ли из-за шлепков, полученных днём, его задница постоянно ныла. Он боялся даже дотронуться до неё. Так он пролежал с открытыми глазами до самого рассвета, едва не умерев от истощения, а эти два сорванца ещё смеют говорить, что он любит поспать!

Если бы не текущее положение дел, он бы непременно отвесил им по паре увесистых пощёчин.

Цзян Сяои заметил, что медвежонок выглядит вялым и безжизненным. Хотя круги под глазами у него всегда были тёмными, сейчас они казались ещё темнее. Он знал, как сильно храпит Цзян Сяосань, и догадывался, в чём дело.

— Хочет спать, так пусть спит, — великодушно разрешил он.

Цзян Сяоэр кивнул. Увидев, что Цзян Сяои расчёсывает волосы Цзян Сяосаня, он лёг на кровать, поцеловал Бай Цзыму и, подперев щёки руками, пообещал, что скоро вернётся поиграть с ним.

Ему очень нравился медвежонок. Тёплый, с ним было совсем не жарко спать, а наоборот, очень

уютно. Прошлой ночью он ни разу не проснулся.

Кукурузные лепёшки не были деликатесом, но для семьи Цзян и это было нечастым лакомством.

Все трое ели с аппетитом.

Цзян Сяои съел половину лепёшки. Она была суховатой после жарки и крошилась. Он подставил ладонь под подбородок, а когда закончил, слизал с неё все до единой крошки.

После сытного завтрака Цзян Сяои, взяв мотыгу, повёл Цзян Сяосаня на огород. Цзян Сяоэр принялся подметать двор, но, взмахнув бамбуковым веником всего пару раз, уже задыхался.

Когда солнце поднялось выше, Цзян Сяои дал Цзян Сяосаню несколько поручений и поспешил домой.

Нужно было сушить кукурузу.

Вчера он ходил в горы за грибами, а отец был в отъезде, поэтому он не стал выносить кукурузу на улицу, опасаясь внезапной перемены погоды. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань не справились бы, если бы пошёл дождь.

Мокрая кукуруза легко плесневеет.

Вернувшись домой, он увидел, что Цзян Сяоэр... всё ещё подметает двор.

Цзян Сяои, видя, что тот весь в поту, испугался, как бы он не переутомился, и отправил его в дом:

— Иди поиграй с мишкой.

— Хорошо.

Цзян Сяоэр был измотан и не стал спорить. Кашляя, он вернулся в комнату, забрался на кровать, обнял Бай Цзыму и снова начал кашлять. Бай Цзыму проснулся, бросил на него косой взгляд и уставился в потолок.

Почему поспать спокойно — это так сложно?

Какая несправедливость.

Воистину несправедливость!

Уж лучше бы его тогда молнией убило, чем терпеть такие муки.

В деревне Сяошань у каждого дома был двор, где обычно держали кур или сушили урожай. Если не иметь двора, то осенью негде было бы сушить зерно.

Раньше некоторые особо расчётливые хозяева засаживали свои дворы овощами, а во время сбора урожая расстилали бамбуковые циновки прямо на деревенской дороге и сушили там зерно. Дорога сужалась, и было трудно разойтись, особенно если несёшь что-то тяжёлое. Люди жаловались, но в ответ слышали:

— А что, дорога твоя? Где хочу, там и сушу. Тебе-то что?

Слова были грубыми, но звучали как будто бы и резонно.

Деревенская дорога принадлежала всем, а значит, каждый мог ей пользоваться. И сушить на ней что-либо никто не мог запретить.

В конце концов, жители деревни разошлись. Когда та семья снова расстелила зерно на дороге, они выпустили своих кур. А некоторые озорные детишки тайком набирали горсти зерна и убежали в горы, чтобы его сварить.

Хозяин зерна ругался, но запретить выпускать кур не мог. Чьи куры — тот и хозяин. Хочет — запирает, хочет — выпускает. Да и потом, кто просил сушить зерно на дороге? Дорога деревенская, и куры по ней тоже ходят. Почему их нужно прогонять? Если напугаешь курицу-несушку, и она перестанет нестись, я с тобой разберусь.

А не прогонишь — куры склюют зерно.

С тех пор никто больше не решался сушить что-либо на дороге.

Каждое зёрнышко было на счету, потерять хоть одно — уже жалко.

В прежние годы, после жатвы, некоторые женщины и дети ходили по полям, подбирая оброненные колосья. Цзян Сяосань несколько раз видел это, когда помогал собирать корм для свиней старшей ветви семьи. Он никогда не ел белого риса, но слышал от других, что он очень вкусный и ароматный. Поэтому в прошлом году, во время сбора урожая, он упросил Цзян Сяои сшить ему маленький мешочек и сам пошёл в поле подбирать колосья. Но его обругала одна женщина. Наверное, она позавидовала, что он собрал уже почти половину мешочка, и закричала на него, сказав, что это её поле и чтобы он убирался. Дурачок, вместо того чтобы собирать хворост, пришёл на её поле. В следующий раз увидит — побьёт.

В деревне участки земли редко находились рядом, обычно они были разбросаны то тут, то там. Цзян Сяосаню тогда было всего четыре года, но поскольку его не с кем было оставить дома, Цзян Сяои часто брал его с собой в поле. Так он научился узнавать их землю, а вот чужую не различал.

Услышав слова женщины, он ушёл на соседнее поле. Но та, увидев это, расвирепела ещё больше и, замахнувшись, сделала вид, что хочет его ударить.

Если Цзян Сяосань соберёт колосья, ей ничего не достанется. А он всего лишь маленький дурачок, прогнать его — и дело с концом.

Цзян Сяосань испугался, что его побьют, и побежал домой. С тех пор он больше не решался ходить на поля.

Зерно было слишком ценным. Урожай каждая семья сушила в своём дворе.

Во дворе семьи Цзян росло финиковое дерево. Когда дул сильный ветер, листья разлетались повсюду.

Цзян Сяои подмёл двор, расстелил бамбуковые циновки и рассыпал на них кукурузу. Затем он пошёл на кухню, сварил лекарство для Цзян Сяоэра, велел ему следить за огнём, дал несколько поручений и снова поспешил в поле.

Огород нужно было тщательно перекопать, чтобы земля стала мягкой — так овощи лучше растут. Пока Цзян Сяои работал мотыгой, Цзян Сяосань отнёс вырванные тыквенные плети в дом старшей ветви.

Старая тыквенная ботва была несъедобна для людей, но свиньи ели её с удовольствием.

Братья трудились всё утро. К полудню стало невыносимо жарко. Цзян Сяосань несколько раз бегал к реке, чтобы попить. Цзян Сяои занимался тяжёлой работой, пот ручьями стекал с его лица, попадая в глаза и заставляя их щипать так, что он не мог их открыть. Он опёрся на мотыгу, чтобы передохнуть. Трава у дороги пожухла от зноя. Крестьяне, сажавшие утром сою на дальних полях, уже исчезли — наверное, ушли домой. Цзян Сяосань тоже выглядел уставшим, его маленький хвостик на макушке поник.

Цзян Сяои потрогал его залатанную одежду и обнаружил, что она вся промокла от пота. Он хотел отправить Цзян Сяосаня домой, а самому ещё поработать. Сою на поле ещё не посадили, а в ближайшие дни нужно было везти хворост на продажу. Времени не было совсем. Чем больше сделаешь сейчас, тем лучше. Но тут у Цзян Сяосаня заурчало в животе. Он посмотрел на брата своими большими, ясными глазами, его чёлка прилипла к мокрому лбу.

— Брат, — сказал он, — Сяосань проголодался, хочет кушать.

Цзян Сяои беспомощно вздохнул, сорвал пучок овощей и повёл его домой.

<http://bllate.org/book/13701/1583058>